

Р. Н. Порядина (Томск)

**Сопоставительное исследование среднеобских говоров
и западнославянских языков**

Обращение к сопоставительному исследованию грамматической структуры западнославянских языков и одной из диалектных форм русского языка стало возможным благодаря много-

летней работе томских диалектологов, описавших среднеобские говоры в сборнике "Русские говоры Среднего Приобья" (РГСП). Как известно, славянские языки сохранили в своей группе более тесные родственные связи, чем другие индоевропейские языки. Как будет показано ниже, русские среднеобские говоры имеют больше общих черт с западнославянскими языками, чем русский литературный язык (РЛЯ). Причины меньшего расхождения РГСП с западнославянскими языками видятся в следующем. Во-первых, в истории формирования среднеобских говоров. Это вторичные говоры. Среди разнодиалектного и многонационального населения Приобья первой половины XVII века, кроме преобладающего населения из среднерусской полосы, были выходцы из Польши, Украины, Белоруссии и прилегающих к ним российских территорий с переходными говорами. Украинский и белорусский языки в силу многовекового соседства имеют большее сходство со словацким и польским языками, чем русский. Сплавившись со средне- и южнорусскими говорами в Приобье, они наделили РГСП западнославянскими чертами.

Вторая причина общности русских говоров и западнославянских языков заключается в том, что славянские народные говоры развивались по своим общим законам, на них не оказывал воздействия старославянский язык, сыгравший свою роль в формировании русского литературного языка. Русские народные говоры сохранили некоторые архаичные формы древних славянских диалектов, утраченные в современном русском литературном языке.

Цель нашего исследования – выявить степень близости среднеобских говоров, РЛЯ и западнославянских языков, обнаружить специфику реализации общеславянских процессов в говорах. Для этого сопоставим фонетические и морфологические особенности РГСП с западнославянскими соответствиями.

Сопоставительная характеристика вокализма

Фонетическая система среднеобских говоров складывается в начале XVII века. Назовем основные черты исходного состояния вокализма РГСП, многие из которых утратились в дальнейшем. Укажем характер аналогичных фонетических явлений в западнославянских языках.

- С XVII века некоторые среднеобские говоры характеризуются неразличением *a* и *e*, этимологически первичного, возникшего из *ę*, который сохранился в польском языке: *опеть, месник,*

петнадцать, девети и др. На месте русского я в этих позициях выступает в словацком языке ä, а в польском языке e: словацк. *opät', mäso, pätnásť, devät'*; польск. *męso, pięć, dziewięć*.

- В заударных слогах происходил переход е в о: *старцов, крестьянишок*. В словацком и чешском языках в позиции перед ц и шипящими регулярно в суффиксах и окончаниях выступает о: словац. *chlapcov, ulicou, prednášok, skúšok, pomôcok*; чешск. *nocovat, tancovat*. Для польского языка чередование е и о является историческим и происходит в определенных грамматических формах: *wiedę-wiedzie, biore-bierze*.

- Встречаются примеры с рефлексом фонемы е как звука и перед твердыми согласными, например *тих*. Та же форма *tych* имеется в западнославянских языках. В чешских и моравских диалектах изменение *ě* в *í* проведено последовательно: *mlíko, nýstí*, которым соответствуют в польском языке *mleko, nieść*.

- В некоторых случаях о смешивалось с у: *Укулина, пукунали, усторожливо*. В польском языке переход о в у — это и историческое преобразование (*góra, kłóry, ból*) и живое фонетическое чередование, осуществляющееся в закрытом слоге: *jagoda-jagód, stopa-stóp, niosła-niósl*. Долгое *ó* также изменилось в чешском языке сначала в дифтонг *uo*, позже в монофтонг [ū], в результате этого изменения возникло новое чередование *o/ů*: *v dome ~ dům, na stole ~ stůl, bez koňe ~ kůň*.

Вокалическая система РГСП XVII века имела 14 специфических черт. 8 из них присущи и западнославянским языкам. К ним относятся, кроме перечисленных, оканье, совпадение в одном звучании е и ъ, отсутствие фонематической оппозиции о — ó, различие фонем а и е после мягких согласных. При сопоставлении вокализма РЛЯ и среднеобских говоров обнаруживается всего 3 общие черты, связанные с аканьем и редукцией.

В современной системе гласных РГСП преобладают оригинальные черты (18 собственно диалектных явлений). Лишь редукция и одинаковый состав фонем объединяют вокалические системы РГСП и РЛЯ. Для диалектного и западнославянского вокализма характерны такие общие процессы, как переход а в е, е в о и о в у. Первые два отмечаются как лексикализованные или морфологизованные, встречаются в небольшом количестве случаев, поэтому представляют собой остаточное явление. Переход о в у наоборот преобразовался в регулярное фонетическое чередование

и осуществляется в позиции после губных и заднеязычных во втором предударном слоге: *пу дамам, хумуты*.

Таким образом, в результате обособленности и ослабления влияния западнославянских языков в среднеобских говорах утрачиваются некоторые общеславянские черты. Однако этот процесс идет медленнее, чем сближение с РЛЯ. Только наличием общеславянских фонетических законов объясняется то, что на протяжении веков при отсутствии контактов сохраняются одинаковые для РГСП и западнославянских языков фонетические явления. Эти законы получают разную реализацию в славянских языках. В народных говорах, не стесненных рамками предписаний, общие процессы идут быстрее и охватывают большее языковое пространство. В связи с этим увеличивается расхождение с РЛЯ и формируется оригинальная собственно диалектная фонетическая система. Например, в среднеобских говорах редукция осуществляется более последовательно, чем в РЛЯ, поэтому в диалектах происходит не только неразличение *o* и *a*, *e* и *и*, но и ослабление оппозиций *a-e*, *a-ы*, *у-ы*, *у-и*. Так в русском языке по-разному проявляется общий закон ослабления артикуляции, в результате чего реализуется общерусская тенденция упрощения системы гласных фонем. В среднеобских говорах она проявляется значительно последовательнее.

Славянские языки представляют собой разные пути реализации общих законов. Процесс смягчения согласных порождает переход гласных нижнего подъема и заднего ряда в гласные верхнего подъема незадного ряда. Процесс отвердения шипящих вызывает обратные переходы в области гласных. Эти процессы к XX веку остановились, застыли и перешли из области фонетики в лексику и морфологию. В западнославянских языках, в которых они осуществлялись регулярнее, осталось больше свидетельств их действия. Закон перехода узкого *o* в *у* сохраняется в современной системе вокализма среднеобских говоров, в то время как в западнославянских языках перестал действовать как фонетический закон, но перешел в область морфонологии и оставил свои следы в лексике.

Сопоставительная характеристика консонантизма

Как отмечают авторы монографии "Русские говоры Среднего Приобья", живой язык среднеобской старины XVII века "еще не имел единой фонетической системы" [1, с. 78]. В памят-

никах письменности отразились следующие черты консонантизма РГСП, схожие с западнославянскими.

- Фрикативное произношение *z*, характерное чешско-словацкой группе западнославянских языков, украинскому языку и южнорусским диалектам, очевидно из написаний типа *облехчение, немохъ*.

- Замены согласного *v* на *y* в начале и середине слова перед согласным свидетельствуют о фонеме *v* губно-губного образования: *усего в казне, Ноугородец, у той подводе*. В этой же позиции происходит переход *v* в *y-неслоговое* в словацком языке. Гласная *y* расширяет сферу своего функционирования в западнославянских языках за счет согласных фонем: *v* в словацком языке и *l* в польском языке. Косвенно существование билабиального *v* в среднеобских говорах подтверждает отсутствие свидетельств оглушения на конце слов. В современном словацком языке также не происходит замены *v* на *φ*, на конце слов *v* меняется на *y-неслоговое*, а фонема *φ* функционирует только в заимствованных словах.

- В томских документах отразилась утрата начального *v* в сочетаниях *vc/vz*, связанная с его билабиальным произношением: *сплеснут, стретили*. В словацком языке мы наблюдаем тот же процесс: *spomenút', stretnút', spät'*.

- Наряду с фиксацией твердого *ж, ш* имеются свидетельства мягкого произношения *ж, ш*: *возмужял, кожно, падежно, слышил*. В западнославянских языках распространены мягкие шипящие: в словацком и чешском, например, *ž, š* произносятся мягче, чем в русском языке, а в польском имеются особые мягкие фонемы *ź, ś*, которые образуют оппозицию по твердости-мягкости с согласными *z, sz* такого же качества, как в русском языке.

- РГСП известно шепелявое произношение мягких свистящих *s* и *r*: *не оставалош ли, невоздержание*. Эти согласные, по мнению А. А. Шахматова, появились в русских говорах Европейской России под влиянием польского языка. Польский консонантизм богат шипящими, в том числе мягкими: *ś, ź, ć, dź*: *wziąć, żyć, dziesięć, osiemdziesiąt*.

- В рукописях отразилось произношение *шч* (*новокреишчен*), характерное для польского языка в разных огласовках: *rzć, szcz, ść*, например, *trzcina, moszcz, deszcz, liść, ściana*.

- Написания типа *расчоту, нарчовых, чорново* свидетельствуют о твердом произношении *ч*, свойственном словацкому и чешскому языкам.

- Упрощение групп согласных *сти* в *си*, например, в слове *шеснадцать* встречается и в польском языке: *szesnaście*.

Консонантизм среднеобских говоров XVII века насчитывает 20 диалектных черт. 12 из них имеются в западнославянских языках и всего 5 в РЛЯ. Такие фонетические признаки, как качество *ц*, наличие фонемы *ф*, твердых *ш*, *ж*, долгого шипящего *щ*, протетического *в*, являются общими для РГСП, РЛЯ и западнославянских языков.

В процессе складывания консонантной системы увеличиваются диалектные различия РГСП. На современном этапе их насчитывается более 80, при этом 50 касаются различных преобразований в сочетании согласных. Основные звенья расхождения диалектного и литературного консонантизма образуют шипящие и заднеязычные. В одних говорах Среднего Приобья так же, как в литературном языке, шипящие твердые, а в других могут быть мягкими или полумягкими. Противопоставленность среднеобских говоров друг другу проводится и на основе признака мягкости-твердости заднеязычных. В большинстве говоров мягкие фонемы *к'* – *г'* отсутствуют.

Общих черт в современном консонантизме у РГСП больше с западнославянскими языками, чем с РЛЯ. К ним относятся:

- мягкие и полумягкие шипящие;
- шепелявые *с''*, *з''*: *вз''ац'*, *з''имой*, *д'ес''ит'*, *вас''мой*;
- твердая аффриката *ч* (*нончы*, *затончык*, *кончыл*), соответствующая словацкому и чешскому *č* и польскому *cz*: *czy*, *chrząszczyk*, *kończyc*;
- твердые *к*, *г*: *кыска*, *выт'агыват*, *выгаркывѣт*, смягчение заднеязычных отсутствует в чешском и словацком языках;
- несмягчение *р* (*грыбы*, *крынка*, *таварышышы*, *грып*, *зв'ирок*) встречаем в словацком языке; в чешском языке *р* перед гласными переднего ряда перешел в *ř*, а в польском – в *rz*: *grzyby*, *krzywyy*, *przyjaciel*, лишь в нескольких новых заимствованиях выступает сочетание *ri*;
- в билабиальное на конце слов: *трау*, *жыу*;
- утрата интервокального *й*, характерная для западнославянских языков: в чешском и словацком языках этот процесс повлиял на формирование долгих гласных;
- упрощение сочетания *св* до *сл* (*свободный*) наблюдается и в словацком языке: *slododny*.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в РГСП общеславянские процессы депалатализации согласных, смягчения шипящих и свистящих, отвердения аффрикат и упрощения групп согласных идут интенсивнее, чем в РЛЯ, и по пути сближения с западнославянскими языками. Из системы говоров XVII века утратились только два звена, соответствующих западнославянскому консонантизму (фрикативное *ʒ* и сочетание *шч*), но появились новые схождения.

Процесс смягчения согласных более последовательно и широко шел в лехитских языках и меньшее распространение получил в чешско-словацкой группе, где перед гласными переднего ряда смягчаются только *d, t, n, l*. В русском языке все согласные сформировали пары по твердости-мягкости, кроме шипящих. В польском языке мягкие шипящие образуют оппозицию не только с твердыми шипящими, но и со свистящими. Польский язык образовал гибкую систему чередований гласных и согласных в зависимости от качества предшествующего и последующего звука, он приспособился к процессам отвердения и смягчения согласных. В РГСП процесс смягчения пошел дальше, в некоторых говорах наблюдается ослабление противопоставленности свистящих и шипящих и оппозиции по твердости-мягкости.

Для заднеязычных, свистящих и вибранта с начала процесса смягчения согласных позиция перед гласными переднего ряда была слабой. Поэтому для них древнерусский и западнославянские языки выработали систему чередований преимущественно с шипящими. После прекращения действия закона смягчения славянские языки пошли по двум путям освоения сочетаний типа *ki, si, ri*. Лехитские языки сохранили систему чередований. В словацком языке чередование *k/c, ch/s* закрепилось в морфологии у существительных мужского рода одушевленных, но в целом словацкий консонантизм вернулся к твердым вариантам согласных. Более последовательно процесс отвердения реализовался в украинском языке. В русском языке закон смягчения коснулся почти всей системы согласных, они развили оппозицию по мягкости. В среднеобских говорах идут двунаправленные процессы: продолжается смягчение свистящих и шипящих, в результате чего в ряде говоров нейтрализуется эта оппозиция, а с другой стороны, происходит депалатализация согласных и ослабевает противопоставленность по твердости-мягкости, особенно у заднеязычных и вибранта: в некоторых говорах они утратили мягкий вариант.

Что касается иных фонетических закономерностей славянских языков, то к ним относится процесс утраты интервокального *й*, а ослабление артикуляции приводит к упрощению групп согласных и усилению лабиальности и в вокализме и в консонантизме. Эти процессы идут активнее в среднеобских говорах, западнославянских языках и пока не затрагивают русский литературный язык.

Сопоставительная характеристика словоизменения

В именном и глагольном словоизменении западнославянских языков и среднеобских говоров больше сходжений, чем в области фонетики. Это соотношение соблюдается и в исходном и в современном состоянии РГСП. Отклонения в падежной системе западно- и восточнославянских языков обусловлено фонетическими причинами и процессом унификации типов склонения, начавшимся еще до распада древнерусского языкового единства, реализовавшимся в одних диалектах и не проведенным в других.

Западнославянские языки и среднеобские говоры наибольшее количество общих флексий имеют в парадигмах имени существительного. В документах РГСП первой половины XVII века зафиксированы следующие специфические окончания, соотносимые с западнославянскими.

- Из параллельных флексий Тв. п. ед. ч. склонения на *-а* окончание *-ою* (*-ею*) дольше сохранялось в русских говорах, чем в РЛЯ: *женою*, *с водою*. В настоящее время оно вытеснено в РГСП флексией *-ой* (*-ей*), а в чешско-словацкой группе сохраняется до сих пор с утратой интервокального *й*: словац., чешск. *ženou*, *vodou*.

- В Р. п. ед. ч. существительных древних основ на *-о* м. р. в среднеобских говорах XVII века было два типа окончаний: у неодушевленных существительных *-у* или *-а*, у одушевленных только *-а*: *после пожара*, *гороху*, *ходу*, *князца*, *кузнеца*, *дворника*. Такое же распределение флексий имеется в польском языке: *od syna*, *do ojca*; окончание *-и*, образующее форму Р. п. только у неодушевленных существительных, является, таким образом, показателем "неодушевленности": *cukru*, *zeszytu*. В чешском языке разделение с помощью флексий одушевленных и неодушевленных имен проведено последовательно: одушевленные существительные имеют окончание *-а*, неодушевленные *-и*: *od Jana*, *bez studenta*, *z domu*, *do klubu*, *z časopisu*. В современных среднеобских говорах постепенно формы Р. п. на *-у* закрепляются за име-

нами с вещественно-собирательным и отвлеченным значением: *из крахмалу, от льну, от голоду, со смеху*. В словацком языке окончание *-и* имеют эти же разряды существительных: *sukru, pojtu, zmyslu, prachu, medu*.

- В среднеобских рукописях неодушевленные существительные м.р. имеют окончания П.п. ед.ч. *-ъ (-е)* и *-у (-ю)*: *в городе, в остатке, в году, в спуску, на торгу, во храму*; одушевленные – *-ъ (-е)*: *при князе*. В чешском языке такое распределение флексий сохраняется. В чешско-словацкой группе окончание *-и* является основным для неодушевленных имен с основой на заднеязычные: чешск. *v domku, v dialogu*; словацк. *v roku, na brehu*. В современных РГСП флексия *-у* в П. п. является единственно возможной для ряда слов на *-к, -г, -х*: *берегу, боку, веку, верху, лугу, меху, пуху, снегу, стог*. Польский язык оказался наиболее архаичным в употреблении флексий П. п.: как и в древнерусском, окончания *-е* и *-и* разграничивают парадигмы твердой и мягкой разновидности: *o koniu, o ptaku, o kupcu, o towarzyszu*, но *o dębie, o studencie, o milionie*.

- Существительные лица м. р. на *-а, -о* изменялись в РГСП как существительные м.р. на *-а* или на *-о*. Со временем осуществляется переход этих имен в женский тип склонения. В словацком языке они сохраняют исходное словоизменение. В польском языке имена лица м.р. на *-а, -о* в ед.ч. изменяются по мужскому склонению, а во мн. ч. – по женскому. В чешском языке эти существительные сохранили окончание Д.–П. п. м. р. ед. ч. одушевленных имен *-ovi*, в остальных падежах перешли на женский тип склонения.

- В среднеобских документах XVII века отражены формы И.–В. п. мн. ч. существительных м. р. на *-ы (-и), -а (-я), -е (-я)*, окончание *-ове (-овя)* встречается только у одушевленных имен: *жильцы, князцы, браты, холопы, колокола, казачишка, крестьяне, дворяня, татарове*. Все эти флексии закрепились в западнославянских языках, но получили распределение в связи с категорией одушевленности/неодушевленности. Формы с *-owie* сохранились у лично-мужских существительных в польском языке: *uczniowie, synowie, profesorowie*. В словацком языке окончания *-у, -е* присоединяются к основам неличных имен (*vlaký, stromy, kamene, kaše*), а флексии *-i, -ia, -ovia* имеют личные имена: *Slováci, bratia, otcovia*. В чешском языке одушевленные существительные м. р. полу-

чают окончания *-i, -é, -ové* (*kritici, poeti, vesničané, Rusové*), неодушевленные – *-y: stoly, sešity*.

- Томские памятники письменности отражают конкуренцию словоформ Р. п. мн. ч.: *яблок – яблоков, киргиз – киргизов, ножев – ножей, рублев – рублей*. В современных РГСП окончание *-ov* основное: *помидоров, пять аришнов, партизанов боялись, бояров величают*. В западнославянских языках флексия *-ov* является регулярной и существует в двух фонетических огласовках: [ou] в чешско-словацкой группе и [uf] в лешитской: словац. *mužov, študentov*; чешск. *soudců*; польск. *meczów, krajów*.

- В РГСП XVII века у одушевленных существительных м. р. в ед. ч. наблюдаются омонимичные формы В.–И. п.: *и который зверь добудем; выбивают у нас соболи и бобры; и соболи и лисицы вытопило водою*. В современных Прикетских говорах до сих пор сохраняются единичные примеры совпадения В. и И. п.: *гор-посталь понче добыл; зайцы добивали*. Такие формы встречаются в основном у имен, называющих животных. Этот языковой факт общий для РГСП и словацкого языка. В последнем существительные м. р., обозначающие животных, в ед. ч. склоняются как одушевленные, а во мн. ч. они изменяются по типу неодушевленных и имеют общую форму В. – И. п.: *pozeram na voly, psy, vlky, kone*. Категория одушевленности также не находит выражения в словацком языке у существительных ж. и с. р.: *vidím ženy, sestry, tety, líšky*.

Все черты, составляющие особенность среднеобского именного словоизменения XVII века, сохранились в западнославянских языках, и лишь половина из них соотносима с формами РЛЯ. В современных РГСП из 12 флексий, составляющих в XVII веке своеобразие диалектных парадигм, остались 10, при этом некоторые из них приобрели регулярный характер и к ним добавились следующие черты формообразования существительных, тождественные западнославянским.

- Одушевленные существительные м. р. со значением родства образуют основы мн. ч. И. п. при помощи окончания *-овья*: *сыновья, братьовья, зятевья, мужевья, сватовья*. В словацком языке, кроме перечисленных имен, флексию *-ovia* имеют существительные с основой на *-a, -o, -h, -g*: *hrdinovia, dedovia, súdruhovia, filologovia*. Окончание *-ové* в чешском языке получают некоторые имена лица в зависимости от значения и характера основы: *Finové, filologové*.

- В современных РГСП обширна группа слов м. и с. р., имеющая в форме И. п. мн. ч. флексию *-я*: *стаканья, островья, озерья*. В чешско-словацкой группе сфера функционирования окончания *-ia* уже, оно выступает в форме И. п. мн. ч. лично-мужских существительных с основой на *-tel', -čan, -an*: словацк. *čitatelia, Bratislavčania, Slovakia*.

- В Т. п. м. р. существительных на *-a* так же, как в словацком языке, получила широкое распространение флексия *-ом*: *с моим дедушкой*; словацк. *dedkom, sudcom, predsedom*.

- Несклоняемые в РЛЯ имена существительные в среднеобских говорах и западнославянских языках склоняются.

- В РГСП сохранились архаичные формы Р. п. с окончанием *-и*, исчезнувшие из литературного языка. Они отмечены у слов *день* и *рубль*: *четыре дни, три рубли*. Такие же словоформы характерны западнославянским языкам.

- Существительные ж. р. на *-а, (-я)* в Р. п. ед. ч. имеют варианты окончания с флексией *-е*: *от моей родне; с земле ключ идет; около ее родне прожили*. Для чешско-словацкой группы западнославянских языков окончание *-Е* в форме Р. п. ед. ч. имен ж. р. мягкой разновидности является регулярным: словацк. *ulice, fliaše*; чешск. *ruže, lžíce*.

Словоизменение имени прилагательного в РГСП, РЛЯ и западнославянских языках мало различается. Общими яркими чертами для среднеобских говоров и западнославянских языков являются:

- стяженные формы, отмечаемые во всех памятниках РГСП с XVII века: *рядовы казаки, прошли год, сладки сон*;

- омонимичные формы Т.- П. п. ед. ч. существительных м. и с. р. на *-ым (-им)*, весьма устойчивые в среднеобских говорах и регулярные в польском языке: ср. *в чужим гнезде, в единолишным хозяйстве* и польск. *o dobrym pisarzu, na wesolym koncercie*;

- отсутствие кратких форм качественных прилагательных;

- отсутствие аналитических форм сравнения;

- более широкое, чем в РЛЯ, употребление суффикса сравнительной степени *-ше*: *длинше, красивше, тонше*, ср. со словацк., чешск.: *slabší, tichší, širší, dlhší, kratší*; польск. *szerszy, cichszy, słabszy, weselszy*.

Различия в склонении местоимений в основном образуют фонетические огласовки тех или иных грамматических форм.

Среднеобским говорам и западнославянским языкам присущи следующие общие черты местоименного словоизменения.

- Вариантные краткие формы возвратного и личных местоимений 1-го, 2-го лица в Р. – В. п. (*ся, мя, ты*) и в Д. п. (*те*) представляют в РГСП исчезающее, локально ограниченное явление: *старик у мя уехал; у ты сын опеть родился; сам ся береги; кто те поверит*. Во всех западнославянских языках краткие формы местоимений имеют широкое функционирование.

- В томских рукописях XVII века местоимение 2-го лица и возвратное встречаются параллельно с *о* и *се* в основе: *на собе, к собе, тебе, к себе, тебе*. Формы с *е* характерны для современных РГСП, РЛЯ и словацкого языка. В польском и чешском языках реализуются оба ряда форм.

- Две диалектные варианты формы *они* и *оне* И. п. мн. ч. взаимозаменяемы и употребляются в среднеобских говорах независимо от рода замещаемых существительных. В западнославянских языках местоимение *oni* выступает на месте лично-мужских имен, *one* употребляется вместо нелично-мужских: указывает на имена ж., с. р. и неодушевленные м. р.

- В Р. и В. п. ед. ч. sporadически употребляются диалектные сокращенные формы притяжательных местоимений м. и с. р.: *мо-во, тво-во, сво-во*. Краткие местоименные формы характерны западнославянским языкам: словац. *môjho, vášho, nášho, nášmu*; чешск. *mého, mému, mé, mů*; польск. *swego, tego, temu, me*.

- В качестве основных форм притяжательных местоимений Т. и П. п. ед. ч. м. и с. р. повсюду в РГСП выступают местоимения *моим, твоим, своим*: *с моим дедушкой, на моим веку, в своем доме*. Такую же регулярность омонимичных форм встречаем в польском языке: *o moim dziadku, na twoim koniu*.

В сфере глагольного формообразования также имеются схождения между среднеобскими говорами и западнославянскими языками:

- стяженные формы, характерные западнославянским языкам, употребляются в говорах во 2-м и 3-м л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. наряду с полными: *знашь, имет, замечам, таскам, хватат, знате*;

- образование инфинитива при помощи суффикса *-сть*: *несть, принесть, довесть*; ср. со словац. *niest', viest', pliest'*; чешск. *vést, plést, růst, kvést*; польск. *nieść, wieść, wieźć, paść*;

- чистая основа глагола является исходной для формообразования повелительного наклонения: среднеобск. *положь, положь-*

те, становь, напой, замолчь; словац. *češ, ved', pleť, pros, chod'*; чешск. *odnes, napiš, miň, vrat'*; польск. *nieś, pisz, wróć, łap, mów*.

Образование деепричастий характеризуется общими чертами:

- в грамотах XVII века отмечены деепричастия настоящего времени на *-учи (-ючи)*: *будучи, идучи, покупаючи*. Эти формы почти не употребляются в РЛЯ, очень редки в современных РГСП и регулярны в западнославянских языках: словац. *kupijúc, čitajúc, vládnuc*; чешск. *nesouc, vedouc, jsouc*; польск. *niosąc, czytając, wiedząc*;

- в современных РГСП деепричастие образуется только с суффиксами *-вши, -ши*: *уехавши, погибши, умерши*. Подобные деепричастные формы являются общеупотребимыми в западнославянских языках, а в РЛЯ разговорными и просторечными.

Подведем некоторые итоги.

Более 60% диалектных различий РГСП в области фонетики и морфологии аналогичны западнославянским чертам. Западнославянские языки сохраняют больше архаичных черт, а проанализированный материал словоизменения убеждает, что РГСП сближаются с РЛЯ. Тожественные черты в сравниваемых языковых образованиях существуют и на других уровнях, например, в области словообразования общим ярким фактом является регулярное образование отглагольных существительных. Лексический уровень требует исследования. Например, общая лексема *клубук* имеет сопоставимое значение: в словацком языке это 'шляпа', а в РГСП – 'верхняя часть стога'.

ЛИТЕРАТУРА

Русские говоры Среднего Приобья / О. И. Блинова, Л. А. Захарова, О. Н. Киселева, В. В. Палагина, Г. А. Садретдинова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. Часть 1.